

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

Любовь
«по-санкюлотски»

Истории любви в истории Франции

Ги Бретон

Любовь по-санкюлотски

«Этерна»

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

Бретон Г.

Любовь по-санкюлотски / Г. Бретон — «Этерна», — (Истории любви в истории Франции)

ISBN 978-5-480-00293-5

«...Потрясение, которое смогло за несколько месяцев свергнуть монархию, правившую страной в течение тринадцати веков, и изменить облик Франции, это потрясение имеет в основе своей серию любовных интриг, связанных друг с другом самым удивительным образом... Таким образом, мы получаем еще новые доказательства того, что любовь, роль которой в Истории современные ученые упрямо стараются не замечать, была движущей силой и причиной всех человеческих поступков, подобно тому, как в предыдущие века она подвигала всех принцев на их деяния....»

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

ISBN 978-5-480-00293-5

© Бретон Г.
© Этерна

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Ги Бретон

История любви в истории Франции:

Т. 6. Любовь «по-санкюлотски»

*Революция становится настоящей только после того, как в нее
вмешиваются женщины.*

Мирабо

GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR DE L'HISTOIRE DE FRANCE

В оформлении использован фрагмент работы Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах» (1830–1831)

Потрясение, которое смогло за несколько месяцев свергнуть монархию, правившую страной в течение тринадцати веков, и изменить облик Франции, это потрясение имеет в основе своей серию любовных интриг, связанных друг с другом самым удивительным образом.

Госпожа де Монтессон, любовница герцога Орлеанского, подкладывает свою племянницу, госпожу де Жанлис, приятельницу энциклопедистов, в постель к будущему Филиппу Эгалите¹. В перерывах между сеансами любви тот вдруг обнаруживает в себе антимонархические настроения. В это же самое время госпожа де Монтессон добивается передачи ему Пале-Рояля. Этот дворец становится центром средоточия девиц легкого поведения.

Этих девиц подосланных Филиппом, можно было увидеть в Версале в октябрьские дни 1779 года. Затем они появляются в Учредительном собрании под предводительством Теруань де Мерикур. Они же окружают эшафоту громко приветствуя смерть короля.

Наступит день, и они наградят «дурной болезнью» солдат II года и поставят на грань катастрофы Республику у в учреждении которой они приняли столь активное участие.

В те времена судьба избрала своим орудием и других женицин: Симона Эврар побуждает Марата писать кровожадные статьи, которые провоцируют массовые убийства. В сентябре госпожа Ролан организует низложение короля. Для того чтобы спасти Марию Антуанетту, Ферсен будоражит всю Европу, которая берется за оружие. Фаворитка графа Прованского, «королева эмиграции» госпожа де Бальби, добивается помощи России в борьбе против республиканской Франции. Покинутая любовница господина де Шаретта выдает республиканцам время отступления мятежников-шуанов. И наконец, именно для того, чтобы спасти Терезию Кабаррю, Тальен организует контрреволюционный переворот 9 термидора, положивший конец Террору...

Революция закончилась. И несколько дам, имеющих очаровательные мордашки и не страдающих никакими комплексами стыдливости, берутся привести на вершину славы некоего юного офицера-корсиканца. Благодаря их протекции он становится командующим артиллерией, освободителем Тулона, потом генералом...

Он станет монархом, поскольку дамы сумеют правильно использовать свое влияние... Таким образом, мы получаем еще новые доказательства того, что любовь, роль которой в Истории современные ученые упрямо стараются не замечать, была движущей силой и причиной всех человеческих поступков, подобно тому, как в предыдущие века она подвигала всех принцев на их деяния. Можно с уверенностью сказать, что большая часть важнейших политических актов этих., как принято было почему-то считать, «бессердечных патриотов» была продиктована страстью. Все они любили женицин. И это – совершенно нормальное явление. Но у нас появляется вполне законное удивление, когда мы узнаем о том, что все эти великие низвергатели трона были одержимы одной лишь мыслью: как бы поскорее заняться любовью...

Глава 1

Госпожа де Монтессон и госпожа де Жанлис подстрекают герцога Орлеанского и его сына к бунту

*Огонь, пылавший в потаенных местах этих двух женщин, зажег
факел Революции.
Жюльен Дарбуа*

В десять часов утра 2 мая 1766 года к домику привратника Пале-Рояля подошла, покачивая задом, как это было принято делать в свете, молодая танцовщица театра «Гранд-опера» Розали Дютэ. Ей было пятнадцать лет от роду, у нее были лукавые глаза, белокурые волосы, очаровательная улыбка и энергично устремленная в будущее грудь.

– Господин герцог Орлеанский ждет меня, – сказала она.

Ее провели во дворец, и она была немедленно принята герцогом. Усадив посетительницу, он в течение нескольких минут с нескрываемым удовольствием разглядывал ее.

– Так вот, мадемуазель, – промолвил он наконец, – разрешите объяснить вам, почему я взял на себя смелость пригласить вас сюда. Друзья очень расхваливали мне ваши чары и определенные способности, которые, как мне кажется, позволяют вам быть идеальной партнершей в некоторого рода играх.

Розали была явно польщена.

– Монсеньор, я была бы очень счастлива, если бы вы смогли получить какое-нибудь удовольствие от моей ничтожной персоны...

Герцог улыбнулся:

– Речь в данном случае не обо мне, – сказал он, – а о моем сыне, герцоге Шартрском, который сильно меня беспокоит. В свои восемнадцать лет он все еще невинен и, кажется, ничуть от этого не страдает. Он апатичен, ко всему безразличен и так мало интересуется женщинами, что мы все со страхом думаем, уж не получает ли он удовольствия от запрещенных развлечений...

Такая возможность действительно очень беспокоила герцога. Он боялся, что сын его пойдет по той кривой дорожке, по которой в свое время пошел его прапрадед, брат Людовика XIV. Поскольку этот предок до сих пор был позором всего семейства.

Розали Дютэ начала понимать, что от нее требовалось. Она стала слушать более внимательно.

Герцог между тем продолжал:

– Зная о вашем исключительном таланте, я подумал, что вы сможете оказать нам большую услугу и навсегда приобщить моего сына к прелестям вашего пола...

Молодая танцовщица, как, впрочем, и все артистки нашего великого лирического театра, была весьма искушенной по части любовных игр². Она согласилась взяться за это дело и пообещала сделать все, что от нее зависит.

– И когда же мне надо будет начать?

– Сейчас же.

И герцог Орлеанский велел позвать сына.

– Я оставляю его с вами наедине. Он ничего не знает о моих намерениях, поэтому его поведение будет вполне естественным. Заставьте же дрожать каждую клеточку его тела, и я докажу вам, что никогда не был неблагодарным человеком.

В тот же момент в комнату вошел герцог Шартрский.

Это был высокий застенчивый молодой человек с очень свежим цветом лица. Он вежливо поприветствовал Розали и сел, стыдливо сжав колени. Отец его не стал понапрасну терять время.

– Мадемуазель Розали Дютэ, одна из самых очаровательных танцовщиц «Гранд-опера», – сказал он. – Она хочет что-то сказать вам с глазу на глаз... Надеюсь, вы сможете поддержать разговор и найти достойные ответы... А пока я вас покидаю...

Он поднялся и вышел, оставив молодых людей наедине.

Розали, у которой до этого уже было несколько подобных учеников, знала, что в преподавании науки любви малейшее стеснение, возникающее в отношениях между преподавателем и учеником, грозит стать помехой и нарушить весь нормальный ход обучения. Поэтому, не говоря ни слова, она подошла к герцогу Шартрскому, уселась к нему на колени и поцеловала в губы, «активно работая при этом опытным языком» для того, чтобы наилучшим и самым доходчивым способом доказать ему, что лучший в мире язык можно найти только в Париже...

Это будущему Филиппу Эгалите показалось несколько бесцеремонным, и он в испуге отстранился. Чтобы его успокоить, Розали прошептала ему на ухо:

– Простите меня, монсеньор, но вы мне очень нравитесь. Вы так прекрасны!

Эта грубая лесть немного успокоила герцога Шартрского, и он перестал отстраняться.

Розали, сразу же пустив в ход хорошо зарекомендовавшие себя приемы, решила подготовить его к усвоению ее первого урока.

К несчастью, бедный юноша, охваченный глубокой апатией, казалось, не проявлял к занятиям никакого интереса. «Его естество, которое ни одному таланту не удалось еще приучить к подобным проказам, – писал некий автор, – упорно оставалось глухим к ее призывам». Тонко чувствуя ситуацию, юная танцовщица поняла: для того чтобы герцог пошел за ней, надо сделать так, чтобы он, как говорят, «насторожился»...

Немного настойчивости и глубокие педагогические навыки позволили грациозной учительнице хорошо подготовить ученика к усвоению материала и привести его в состояние, позволявшее начать с азов...

Когда же он пришел в такое состояние, что стал проявлять интерес к дальнейшему обучению, Розали увлекла его на софу.

И там Филипп, которого способная Розали вывела наконец из скованного состояния, продемонстрировал такие способности, что герцог Орлеанский, наблюдавший за уроком через замочную скважину, пришел к выводу, что сын его «был достоин своего положения и мог с честью приумножить славу их рода...»

Он собрался уже было войти в комнату и поздравить сына с этим успехом, но вовремя увидел, что герцог Шартрский, которому первое практическое занятие показалось наглядным, но слишком простым, попросил Розали повторить его с чуть большей фантазией...

Счастливый и гордый, отец снова приник к замочной скважине и стал очевидцем второго, полного неистовой страсти урока. Филипп был, несомненно, способным учеником. Отдав дань всем прелестям Розали, он трижды доказал, что в основном освоил эту приятную науку...

Когда занятия закончились, герцог Орлеанский вошел в салон. Филипп лежал на софе и тяжело дышал. Увидев отца, он почтительно поднялся. «Однако, – отмечает господин де Буйе, – в его поведении было теперь что-то мужское, что отец отметил с большим удовлетворением. Легким движением руки Розали превратила своего скромного ученика в мужчину, познания которого по части женщин уже сделали его высокомерным и уверенным в себе»³.

– Итак, какого вы мнения о вашем ученике? – спросил герцог Орлеанский у танцовщицы.

«Вместо ответа, – добавляет господин де Буйе, – Розали Дютэ бросилась на шею своего юного любовника и покрыла его лицо поцелуями. Тогда герцог со слезами на глазах привлек к себе обоих молодых людей и расцеловал их».

Согласитесь, это была трогательная семейная сцена...

Чрезвычайно довольный своей находчивостью, герцог пригласил затем грациозную Розали в свой кабинет и вручил ей пакет с крупной суммой денег.

– Ваш метод обучения просто восхитителен, мадемуазель, – сказал он ей. – Я с удовольствием порекомендую вас тем из моих друзей, у кого есть сыновья, не лишённые ещё невинности.

Растроганная этими словами, мадемуазель Дютэ поблагодарила его и сказала, что будет счастлива иметь учеников из добропорядочных семей.

По свидетельству некоторых историков, взволнованный герцог вроде бы спросил у нее, не дает ли она также уроков повышения квалификации. Получив утвердительный ответ, он якобы попросил ее немедленно начать занятия...

В знак благодарности за это он, судя по всему, выполнил свое обещание и подыскал для нее множество клиентов.

То, что Розали Дютэ лишила невинности герцога Шартрского, очень прославило ее. Все любители женского пола возжелали вкусить ее прелестей и усовершенствовать свои навыки и познания в любви под руководством столь известной учительницы. Ее засыпали приглашениями и просьбами, и в самом скором времени она, если можно так выразиться, стала нарасхват.

А пока она таким образом делала себе имя и создавала положение в полусвете, Филипп, войдя во вкус, ударился в самый настоящий разгул. Он стал посещать салон сводниц и быстро приобрел в тех кругах удивительно высокую репутацию.

Вот что писал в своем рапорте полицейский Марэ, которому было поручено следить за герцогом Шартрским:

«Герцог Шартрский наконец впервые появился у госпожи Бриссод. Когда он пришел к ней, она угостила его самым изысканным кусочком, который у нее был. Чести увести к себе Его Светлость удостоилась мадемуазель Лавинь по прозвищу Дюранси. Расстались они только после третьего сеанса. Принц был явно восхищен партнершей и дал ей пятнадцать луидоров. Потом велел передать госпоже Бриссод, что с удовольствием повторил бы этот визит, но девица Дюранси этого не захотела, поскольку нашла, что принц очень груб в своих ласках, лишен всякой нежности, да к тому же ругается словно извозчик. Некоторые девицы тоже придерживаются такого же мнения, и все говорит о том, что он проявляет склонность к самому низкому распутству.

Для того чтобы исправить подобный недостаток, было бы желательно, чтобы он по-настоящему влюбился в честную порядочную женщину, которая смогла бы оказать на него достаточное влияние, с тем чтобы он стал более обходительным и не произносил слов, от которых краснеют самые презренные создания. Никогда принц не сравнится с Его Светлостью отцом своим. Тот тоже очень рано пристрастился к подобным развлечениям, но относился к ним совсем иначе... и все красивые женщины мечтали, чтобы он их завоевал...»⁴

Этому пристрастию к распутству суждено было предопределить судьбу будущего Филиппа Эгалите, а вместе с ней и судьбу французского королевства...

Грубость юного герцога стала вскоре столь невыносимой, что большинство проституток, шокированных его манерами, наотрез отказывались иметь с ним дело как с клиентом.

Отвергнутому проститутками несчастному повесе оставался лишь один выход: обратить свой пыл на артисток и светских дам.

Он стал устраивать на улице Сен-Лазар ужины совместно со своими друзьями – шевалье де Куаньи, герцогом де Фронсек, графом де Безенваль и графом д'Осмон, – где можно было позволить себе любые экстравагантные поступки.

Как-то вечером во время одного из таких «ужинов с сюрпризами» Филипп распорядился подать к столу огромнейших размеров слоеный пирог с начинкой.

– Повар запек в этом пироге некий деликатес, который приведет в восторг самых требовательных гурманов, – объявил он. – Вы любите перепелок? Так вот, повар заверил меня в том, что мы обнаружим в этом чуде кулинарного искусства самую аппетитную перепелочку, которую когда-либо запекали в пироге⁵.

Он хлопнул в ладоши. Верхняя часть слоеного пирога внезапно отлетела в сторону, и из него, словно чертик из табакерки, выскочила восхитительная блондинка лет пятнадцати от роду, совершенно голая. «Она, – как написал Пьер Ноден, – сидела в маленьком домике из запеченного теста»⁶.

Спрыгнув на ковер, она пробежала по комнате, «вихляя задом и тряся грудью». Увидев, что все гости смотрели на нее с вожделением, герцог объявил, что каждый из присутствующих имеет право вкушать ее прелестей, но «для того, чтобы быть уверенным в том, что гостям подается хорошее блюдо, он намерен снять пробу».

По залу прокатился недовольный ропот.

– Не стоит возмущаться, – сказал герцог с улыбкой. – Я отношусь к вам так же, как в Версале относятся к королю.

Филипп намекал на «испытание» – меру предосторожности, существовавшую на протяжении многих столетий при дворе французских королей. Монархи так опасались того, что их могут отравить, что требовали, чтобы кушанья подавались к королевскому столу таким образом, «чтобы исключить всякую возможность подмешивания в них яда». Кроме того, перед тем, как кушанья подавались к столу монарха, их пробовал дежуривший на кухне офицер. Если по прошествии некоторого времени он оставался в живых, «продукт» подавался королю. Если же, напротив, офицер умирал, и, как правило, в страшных мучениях, блюдо выбрасывали. Эта простая мера предосторожности позволяла подавать на стол монарху только проверенную пищу...

«Испытание», которое предлагал провести на себе Филипп, было несколько иного рода. И поэтому граф де Безенваль позволил себе заявить со свойственной ему прямоотой:

– Нижайше осмелюсь заметить, что офицер, снимающий пробу на королевской кухне, никогда не «добавляет специи» в те блюда, которые должен отведать.

Это всех очень рассмешило, поскольку до всех дошел слух о том, что не так давно герцог Шартрский, шляясь по самым сомнительным притонам, подхватил «дурную болезнь». Он был поэтому, как тогда было принято говорить, «начинен специями»...

Филипп несколько не обиделся. Скорее наоборот. Он ответил на это набором самых крайних непристойностей, что говорило о его хорошем настроении.

Потом, усадив девушку к себе на колени, он попросил ее оказать ему небольшие услуги...

Гости, в предвкушении зрелища, беспокойно заерзали на стульях.

– Не надо быть столь нетерпеливыми, стадо свиней, – шутя сказал им герцог. – Начинки этого слоеного пирога хватит на всех.

Он хлопнул в ладоши. Двери распахнулись, и в комнату впорхнуло полдюжины совершенно голых девиц из труппы театра «Опера» в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет. Они хотя и не были столь же свежи на вид, как девица из пирога, но были порочны ничуть не менее своей юной подруги...

И пошла потеха...

Некоторое время спустя склонный к причудам Филипп организовал для своего друга Фитц-Джейм-са, собравшегося жениться, любопытный «вдовый ужин», на который были приглашены все любовницы будущего семейного человека. Ужин проходил в обтянутой черным крепом комнате, где все девицы прикрывали свою наготу лишь черными кружевами...

На подобных ужинах любви каждый гость должен был исполнить песню. Приведем несколько куплетов, распевавшихся на этих «скромных ужинах» и наглядно иллюстрирующих атмосферу той приятной эпохи французской истории:

Пусть у любого другого
Мебели дома много.
Что толку мне от обстановки той?
Не вижу проку я в кровати золотой.
Мое убежище украшено одной
Непритязательной Софой.
Она в сатине белом хороша
И как-то по-весеннему свежа.
Ее я просто ужас как люблю.
И люстры свет неплох,
Он ярок, как в тот день, когда я лег
Впервые на Софу мою.
Ее прелестны очертанья,
Округлы и полны очарованья,
Она приносит радость мне.
Как я люблю в нее вжиматься
И в день ненастный согреваться
На милой мне Софе.
Ни днем, ни ночью я проблем не знаю,
На ней я с наслажденьем отдыхаю.
Она принадлежит лишь мне.
Она – сама восторг и совершенство!
Огромное я нахожу блаженство
В моей излюбленной Софе.
Она любого очарует знатока.
Но, к счастью, я один пока
Моею пользуюсь Софой.
С нее схожу я с крайним сожаленьем,
Но часто снова на нее влезаю с рвеньем.
На ней хочу весь век прожить я свой.

Сам же Филипп имел в своем репертуаре песни без этих двусмысленностей, поскольку терпеть не мог всех этих тонкостей и намеков. Он любил похабные куплеты и с нескрываемым удовольствием распевал их при всяком, как ему казалось, удобном случае, чем приводил даже своих выдавших виды приятелей в крайнее смущение...

Эта разгульная жизнь сына стала в конце концов сильно беспокоить герцога Орлеанского. И тот в конце 1767 года решил женить сына для того, чтобы герцог Шартрский хотя бы немного остепенился.

После долгих раздумий герцог Орлеанский остановил свой выбор на очаровательной белокурой принцессе Луизе-Марии-Аделаиде, дочери графа де Бурбон-Пантьевр, ведущего свой род от графа Тулузского, сына Людовика XIV и госпожи де Монтеспан. Эта пятнадцатилетняя принцесса была, как и ее брат, принц де Ламбаль⁷, наследницей огромного состояния⁸. Женившись на ней, Филипп мог сделать Орлеанский дом самым богатым семейством Франции. Даже более богатым, чем правящая ветвь Бурбонов...

Свадьба состоялась 5 апреля 1769 года.

После шикарного ужина молодожены стали готовиться к церемонии «первой брачной ночи», которую Орлеанское семейство превратило в необычное публичное представление. В тщательно закрытом будуаре очень взволнованная предстоящим Мария-Аделаида одевала на себя ночную сорочку, в другой комнате, двери которой закрыты были не столь тщательно, Филипп в присутствии короля снимал с себя шляпу и шпагу. Первую часть ритуала можно было начинать...

Когда молодожены были готовы, они одновременно вошли в спальню, где стояло их супружеское ложе. Тут же распахнулись двери спальни и в комнату ввалилась толпа гостей, которые выстроились в ногах кровати, стараясь не пропустить ни малейшей детали волнующего зрелища. Пришел Великий Приор и осенил крестом ложе, на котором дрожавшая от волнения новобрачная должна была стать женщиной. Совершив таинство, он удалился, делая вид, что вовсе не замечает игривых взглядов присутствующих.

Под жадными взглядами тридцати человек Мария-Аделаида с помощью двух своих компаньенок юркнула под простыню.

А тем временем Филипп отправился разоблачаться в соседнюю комнату. Вскоре он вернулся в носках и ночной рубашке, надетой на голое тело.

Публика, зная, что должно было произойти, все свое внимание перенесла на него. Герцог сбросил одежду, и каждый из присутствовавших мог убедиться в том, что, согласно обычаю, зародившемуся во времена Генриха III, он был полностью лишен волосяного покрова...

Андре Кастело, поведавший обо всем этом, отмечает к тому же, что «принцы полагали, что, сбривая в день свадьбы все волосы с тела, они тем самым отдавали дань уважения своим супругам...»

Получив ночную сорочку из рук Людовика XVI, Филипп надел ее и лег в кровать, держа в руке ночной колпак. Тут же граф Парижский и маркиза де Полиньяк задернули занавески с обеих сторон кровати. Со стороны ног кровать оставалась некоторое время открытой, и это позволило всем желающим зайти в спальню и поглазеть на молодых, натянувших на себя простыню до самого носа. Когда поток любопытных иссяк, штору задернули и с третьей стороны кровати.

И молодожены, оставшись наконец вдвоем, смогли отдаться чистой и светлой радости обладания друг другом...

Спустя четыре дня после свадьбы Филипп поехал с Марией-Аделаидой в театр «Опера». Когда они разместились в зарезервированной им ложе, молодая герцогиня в восторге захлопала в ладоши, словно малое дитя. Потом вдруг прошептала:

– Почему здесь столько дам в черных одеяниях? Разве прилично ходить на спектакль во время траура?

Бедняжка не могла знать, что все эти красотки, надевшие вдовьи одежды и бросавшие жалостливые взгляды на ложу герцогской четы, были прежними любовницами ее муженька...

Эта сомнительного свойства манифестация была совершенно излишней, и парижские дамы легкого поведения вскоре смогли в этом убедиться. Поскольку Филипп в скором времени вернулся к своим распутным занятиям и снова стал организовывать – на сей раз на улице Бланш – те ужины без одежд, на которых основное блюдо далеко не всегда готовилось на кухне...⁹

Теряя голову при виде любой юбки, герцог Шартрский набрасывался на всех молодых женщин, которые встречались ему на пути, и сразу же старался запустить руку за корсаж... Большинство из них расценивали это как простой знак внимания к их особам и бывали этим явно польщены. Встречались, правда, некоторые, кому это не очень нравилось. Так, например, Филиппу пришлось однажды потерпеть сокрушительное поражение от Розы Бертен, юной швеи, которой суждено было стать впоследствии знаменитой модисткой Марии Антуанетты.

Двадцатидвухлетней Розе было поручено заняться гардеробом Марии-Аделаиды, которая наивно приняла портниху под свое покровительство. Филиппа, разумеется, мадемуазель сразу же заинтересовала...

Про этот мало кому известный случай, который едва не закончился похищением, рассказал нам Эмиль Ланглад.

«Случилось так, – пишет он, – что герцог Шартрский обратил на нее свое внимание в тот же день, когда она впервые явилась в Пале-Рояль, чтобы показать герцогине свои модели. И вот, приметив портниху, он с ней заговорил и стал ее домогаться, обещая подарить драгоценности, лошадей, кареты и даже дом, обставленный по последнему крику моды, если она согласится стать его любовницей. Но герцог Шартрский совершенно напрасно тратил свое красноречие и сыпал перед ней мадригалы: он ничего не добился. Но чем решительнее ему отказывали, тем упорнее он хотел получить желаемое. Он уже не только желал красивую модистку, но и был уязвлен ее сопротивлением. Честь его была задета до такой степени, что он даже разработал план ее похищения. А для успешного его выполнения держал наготове домик в Нейли, куда обычно увозил свои новые приобретения. Роза, поставленная в известность об этом плане слугой герцога, таиться от которого Филипп посчитал совершенно излишним, тряслась от страха всякий раз, когда ей приходилось относить свои поделки в Пале-Рояль. Она больше не осмеливалась выходить из дома с наступлением темноты и жила в постоянном страхе, опасаясь попасть в какую-нибудь западню.

Она слишком хорошо познала нравы крупных вельмож своего времени, бравших пример с короля Людовика XV, чтобы не понимать того, что ей следовало быть ежесекундно начеку, не терять бдительности ни днем, ни ночью, что в Париже случались уже похищения куда более знатных женщин, нежели простой модистки, вынужденной к тому же постоянно бегать по городу¹⁰.

И вот однажды Роза Бертен понесла важный заказ на дом к графине д'Юссон. В тот самый момент, когда она демонстрировала своей клиентке образцы тканей, слуга объявил о прибытии герцога Шартрского. Оставив Розу, графиня устремилась навстречу высокому гостю и усадила его в кресло.

Модистка, о существовании которой хозяйка, конечно, забыла, приблизилась и с совершенно естественным видом уселась в кресло, стоявшее рядом с креслом герцога. Госпожа д'Юссон, пораженная подобным нахальством, промолвила надменно:

– Мадемуазель Роза, не забывайте, что вы находитесь в присутствии Его Светлости!
– Что вы, мадам, я, разумеется, помню об этом.
– И как же это вы смеете вести себя подобным образом?!
– Госпожа графиня, вероятно, не знает о том, что я могла бы стать сегодня же, если бы захотела, герцогиней Шартрской.

Смущенный этими словами, герцог опустил голову, а графиня д'Юссон была опечалена тем, что оказалась таким образом замешанной в альковные дела в присутствии главного заинтересованного лица.

– Да, мадам, – снова заговорила Роза. – Мне было предложено все, что может соблазнить бедную девушку. А в ответ на мой отказ мне стали даже угрожать похищением. Ни больше ни меньше. А посему, милые дамы, если вы не получите к нужному сроку ваших красивых чепцов, если не досчитаетесь поясков или если вам скажут, что бедная Роза куда-то исчезла, спросите об этом у монсеньора. Он будет знать, где я нахожусь.

Графиня решила, что лучше всего свести все это к шутке, и рассмеялась.

– Ну и что вы на это скажете, монсеньор? – спросила она.

– А то, – ответил принц, – что я считаю, что для того, чтобы укротить непокорную, это – единственно подходящее средство. И что нельзя ставить мне в вину то, что я хочу добиться любыми путями расположения столь очаровательной особы.

Роза усмехнулась:

– О, как вы правы, монсеньор, предпочитая модистку вашей августейшей супруге. Принцессе, в которой воплощены и красота, и бесчисленные достоинства. Но согласитесь, госпожа графиня, что та, которую хотят сделать – вопреки нормам приличия – своей подружкой, вполне может вести себя с вами фамильярно. Так пусть же монсеньор не забывает о своем высоком положении, а я всегда буду помнить о той огромной дистанции, которая разделяет его и меня...

После этого Роза поднялась с кресла и низко поклонилась герцогу, который вполголоса произнес:

– Вы – маленькая змея!

Однако же Филипп урок этот усвоил и с этого дня прекратил досаждать молодой модистке. Она стала приходить в Пале-Рояль, не опасаясь, что за любым поворотом коридора она может попасть в объятия принца, который с видом знатока станет взвешивать на ладони своей ее молодую грудь».

Продолжая свои похождения, герцог Шартрский, которого избрали великим магистром французских «вольных каменщиков» (франкмасонов), стал оказывать поддержку парламенту в его борьбе против королевской власти.

Мы знаем, что в те времена судебские чиновники, сила которых росла из года в год, стали влиятельной и опасной силой. Настоящим государством в государстве. «Парламенты ¹¹, – писал Жак Бенвиль, – права которых с годами непомерно возросли, стали помехой королевскому правлению. Оппозиция верховных судов, судов провинций, поддерживавших парижских парламентариев, грозила привести страну к политической катастрофе. Суды дошли до того, что объявили свою целостность и неделимость. Они стали действовать заодно, отвергать королевские эдикты под руководством парижского парламента. Судейские даже стали затевать рукопашные схватки с королевскими офицерами...» «Эта поразительная анархия, – отмечал Вольтер, – не могла долго продолжаться. Надо было, чтобы или корона снова взяла в свои руки власть, или же чтобы победили парламенты». Сложилось такое положение, когда одна власть столкнулась с другой, и одна из них должна была пасть» ¹².

И было очень странно видеть, как герцог Шартрский, кузен короля, поддерживал эту нараставшую оппозицию королевской власти.

В 1771 году выведенный из себя Людовик XV отправил в ссылку семьсот членов парламента и велел канцлеру Мопу набрать новый состав парламентариев. Эта реформа, «акт смелой политики», естественно, подверглась яростной критике со стороны оппозиции. Возмущенные продажностью судов простолюдины, которые уже обрадовались было отмене непомерных судебных сборов, а также тому, что правосудие стало бесплатным, послушно стали повторять во весь голос то, что им говорили.

Герцог Орлеанский, встав на сторону сына, отказался принять участие в работе парламента нового состава, что для принцев крови было делом неслыханным.

Из-за этого отказа оба герцога, которым король запретил появляться при дворе и которые были лишены части своих доходов, быстро превратились в глазах народных масс в жертв борьбы за народное дело. Их популярность сильно возросла. На улицах прохожие аплодировали им, а кое-кто стал уже вполголоса поговаривать о том, что эти Орлеанские принцы неплохо бы гляделись на королевском троне...

На самом же деле поведение этих двух мужчин было продиктовано – как, впрочем, и всегда – женщиной. Толстый герцог Орлеанский безумно влюбился в очаровательную маркизу де Монтессон, сестру госпожи де Бурж, связанную родственными узами через мужа своего с Ламуаньоном де Мальзербом, известным членом парламента, руководителем бунта «крючков-судейских».

«Таким образом, – писал Андре Кастело, – через посредство госпожи де Бурж и госпожи де Монтессон лидеры парламентской Фронды могли направлять в своих интересах поступки и мысли послушного толстяка»¹³.

Для того чтобы окончательно утвердить свою власть над герцогом Орлеанским, маркиза решила вскоре женить его на себе. Герцог Орлеанский, которого она фамильярно называла «толстым папашкой», естественно, не возражал. Он был, как пишет в своих мемуарах некий историк, «счастлив тем, что мог до конца своих дней обладать столь прекрасным телом, несмотря на свой огромный живот»¹⁴.

Но Филипп, придя в ярость от того, что отец даже в мыслях мог допустить возможность подобного мезальянса, прямо заявил о своем несогласии с этим браком. Тогда госпожа де Монтессон, осведомленная о похотливости герцога Шартрского, решила убрать препятствие своему браку, введя в Пале-Рояль свою юную племянницу...

Эту бойкую двадцатилетнюю особу звали Стефани-Фелиситэ де Сент-Обен. Не так давно она стала женой одного королевского офицера, графа де Жанлиса...

В Пале-Рояль она была принята на службу в качестве фрейлины герцогини Шартрской.

Филипп был покорен ее грациозностью, очарованием и красотой. А также культурой и образованностью будущей писательницы. Он любил слушать, как она играла на арфе, посещал с ней библиотеку, согласился (несмотря на леность ума) изучать вместе с ней химию, физику, заниматься живописью, ботаникой и, в конце концов, покорив ее, без труда затащил в постель¹⁵.

И тогда он увидел, что имеет дело с опытной женщиной, которая смогла найти прекрасный ответ на его чувства.

Будучи на два года старше Филиппа, Фелиситэ успела научиться тому, что некий автор красиво называет «искусством мелочей, которые доставляют большое удовольствие...».

Обладая богатой фантазией и изобретательным умом (именно ей однажды придет в голову идея преподавать физику с помощью «волшебного фонаря»), она, по словам современников, «превратила кровать в гимнастический помост». По правде говоря, позы, которые она принимала со своим любовником, были больше знакомы авторам «Камасутры», нежели инструкторам из Жуанвиля...

Проведя блестящую серию «приемов» и продемонстрировав несколько новых для Филиппа способов любви, в результате которых партнеры оказывались то под кроватью, то в ванной, то между креслами, госпожа де Жанлис перевела, наконец, любовника на паркет в позицию, которая известна лишь немногим знатокам и специалистам под названием «вьющаяся повилика». Филипп и не подозревал о существовании таких тонкостей в искусстве любви. Он запросил пощады, очень довольный тем, что нашел наконец женщину, которая ему вполне подходила.

С этого дня лидеры оппозиции могли вертеть обоими герцогами Орлеанского дома, как им только заблагорассудится...

В начале лета 1772 года Мария-Аделаида впала в черную меланхолию. Несмотря на усилия Филиппа, каждую ночь навещавшего ее и, как тогда говорили, «топтавшего любовное гнездышко голубки», ей никак не удавалось забеременеть.

Понимая, что и самые проверенные и надежные средства не лишены недостатков, она решила не рассчитывать только на мужа и стала готовиться к поездке на воды в Форж, славившиеся тем, что излечивали женщин от бесплодия.

Ежегодно тысячи жен европейской знати приезжали, чтобы окунуться в воды под насмешливыми взглядами скептиков. И некоторые из них действительно возвращались домой, имея в чреве наследников.

Но всем известно, что оплодотворение возможно только лишь при наличии мужа. Это обязательное условие, ставившееся врачами, было, понятно, предметом шуток, о содержании которых нетрудно догадаться. Тем более что источники, как правило, были окружены густыми зарослями, о которых говорили, что они, возможно, имели кое-какое отношение к таинству зачатия.

Когда лечение заканчивалось удачно, то есть когда женщина возвращалась домой в ожидании счастливого события, муж закатывал друзьям вечеринку и, как писал Фернан Ангеран, давал в газетах следующее объявление: «Жена господина президента из Гренобля получила в Форжлез-О удовлетворение стремлению стать матерью вопреки заключениям врачей».

Он, правда, не добавлял «без малейшего участия в том мужа». Но и так всем все было ясно...

Герцогиня Шартрская уехала в Форж 1 июля, захватив с собой на всякий случай одну интересную книгу, которая совсем недавно была издана, под многообещающим названием «Искусство производить мальчиков, или Новая картина семейной жизни». Автором ее был Д. Тиссо, доктор медицины, член Лондонского королевского общества, член Римского экономического общества и член Роттердамского общества экспериментальной физики.

Книга эта Марии-Аделаиде вряд ли могла быть полезной, поскольку в ней излагались несколько своеобразные мысли. Об их характере можно судить по отрывку из главы, посвященной «способу зачинать по желанию мальчиков или же девочек». Вот он:

«Нет, полагаю, на свете ни одного мужчины, который не знал бы того, что одно яичко у него больше другого.

У каждого мужского яичка есть свой канал, называемый семенным протоком, по которым семя проходит в одноименные семенные мешочки.

Семенные мешочки с одной стороны тела более вздуты, чем с другой.

Именно эти различия в одинаковых по виду органах навели меня на мысль о том, что предположения мои были правильными и что одно мужское яичко служит для производства детей мужского пола, а другое – детей женского пола. Подобным же образом дело обстоит и с женскими яичниками.

В свете этой гипотезы становится очевидным то, что можно легко производить на свет по выбору мальчиков или же девочек. Надо только удалить яичко или же яичник, “ответственный” за тот пол ребенка, который родителям нежелателен.

Я допускаю, что найдутся люди, которым будет тяжело добровольно пойти на это. Но для тех, кто не пожелает этим воспользоваться, можно будет найти другие средства, которые, правда не являясь столь же эффективными, будут менее болезненными. Я имею в виду одно такое средство, зависящее исключительно от женщины.

Для того чтобы оно сработало, следует помнить, что мужчина не может по своему желанию извергать семя, например, сначала из правых семенных мешочков или сначала из левых. Женщина же, напротив, может направить мужское семя к нужному ей яичнику. Для этого ей надо всего лишь принять определенный наклон тела в тот момент, когда она будет трудиться над тем, чтобы стать матерью. Мужское семя под действием собственного веса потечет в ту трубу, которая ведет к нужному яичнику.

Естественно, после прочтения этого возникает вопрос: в какую же сторону должна делать наклон женщина, которая хочет зачать девочку? Какой именно яичник, какое яичко служит для ее зачатия? Но дело все в том, что я и сам этого не знаю».

И этот милый доктор все же добавляет:

«Я провел уже несколько опытов со своей второй женой, поскольку одна у меня уже была. Так вот, с первой женой мы думали лишь о том, как бы нам заиметь ребенка вообще. Но всякий раз, трудясь над выполнением пожеланий второй жены, мечтавшей иметь мальчиков, я наклонял ее на левый бок. Поэтому ли или же по чистой случайности, но у меня родились три ребенка именно того пола, который она заказывала...»

И вот с этой любопытной книгой, которую она, очевидно, выучила наизусть, Мария-Аделаида в сопровождении госпожи де Жанлис 2 июля прибыла в Форж. Филиппа с ними, естественно, не было, и бедная Стефани, терзаемая своим неумным темпераментом, провела на курорте несколько очень неприятных ночей. По утрам она вставала с горящими глазами и осунувшимся от бессонницы лицом и несколько часов ходила кругами по комнате, «поскольку в промежности у нее горел такой огонь желания, что сидеть на одном месте она не могла»¹⁶.

Но вот 6 июля в Форж прибыл герцог Шартрский. Не теряя времени, он направился к госпоже де Жанлис. Любовники тут же улеглись в постель, доставив друг другу очень большое удовлетворение.

Филипп оставался со Стефани тринадцать дней, и некоторые историки утверждают, что эти две недели сыграли решающую роль в жизни герцога Шартрского и в истории Франции.

Очевидно, именно в этот период будущая писательница вбила в лежавшую на ее подушке голову Филиппа, как ему следовало вести себя в политике, и растолковала ему, кто был его врагом. Вот что писал об этом Жюльен Дарбуа:

«Госпожа де Жанлис, которой до всего было дело, даже до политики, пожелала и в делах руководить своим любовником так же, как делала это в постели. Находясь под влиянием своей тетки, госпожи де Монтессон, и питая симпатии к тем философам, которые подготавливали свержение режима, она бросила в хорошо подготовленную почву семена, из которых позднее взошли чертополохи неповиновения и колючки бунтарства. Госпожа де Жанлис, сознательно или же нет, была рупором тех членов парламента, которых Людовик XV отправил в ссылку и которые жаждали мести. С ее помощью эти господа смогли настроить герцога Шартрского против короля и поставить его во главе антимонархического движения. Проявив большую ловкость, она смогла за время их совместного пребывания в Форже внушить этому плохо воспитанному толстяку ее собственные мысли, идеи взбалмошной женщины. Как и большинство аристократов того времени, госпожа де Жанлис мечтала о революции. Она говорила: «Я полагаю, что это – самая занятная на свете штука...» Находясь под сильным влиянием этой сестры-масонки, последовательницы Руссо и энциклопедистов, герцог Шартрский пришел в конечном счете к мысли о том, что судьбой ему было предначертано изменить режим, разрушить трон, установить во Франции масонскую демократию и стать конституционным монархом, повязав живот маленьким фартучком... Именно на госпоже де Жанлис лежит вся ответственность за то, что Пале-Рояль и позднее замок Монсо стали центром оппозиции, за то, что Филипп, так презиравший народ, умножил свои демагогические поступки, за то, что он вел ожесточенную борьбу против Марии Антуанетты, за то, что он создал инцидент 19 ноября 1787 года, ускоривший созыв Генеральных штатов, и, наконец, за то, что он проголосовал за казнь Людовика XVI...»¹⁷

Таким образом, усвоив в перерывах между сеансами любви мысли, которым суждено было изменить его судьбу, Филипп 18 июля покинул Форж и отправился в Шантильи. Чуть не сойдя с ума от горя, Стефани уже на другой день написала ему:

«Вчера у меня было больше сил, нежели сегодня, поскольку вчера я видела Вас и мы были вместе. А теперь Вас нет со мной! И я больше не могу быть с Вами рядом, в Ваших объятиях... О, дитя мое, сердце мое, для того, чтобы любить друг друга с такой страстью, чтобы целиком отдаваться ей, надо быть уверенным в том, что мы никогда не расстанемся

более чем на два дня... Прощайте же, любовь моя! Кстати, который сейчас час? Вы это знаете? Какие мгновения Вам это напоминает?..»¹⁸

И тогда Филипп, так же сильно опечаленный, как и его любовница, сделал то, чего никак нельзя было ожидать от принца крови: татуировку.

Узнав, что ее имя под маленьким сердечком было выколото на руке герцога Шартрского, молодая женщина разразилась рыданиями. Тронутая таким знаком любви, она сразу же пожелала сделать то же самое, что и ее любовник. Взяв остро отточенный нож, она выбежала в сад, засучила рукава и, поскольку хотя и была темпераментна, но достаточно разумна, вырезала ножом имя Филиппа... на стволе дерева...

После чего написала своему любовнику:

«Ах, любовь моя! Я не могу любить по-настоящему, как любите Вы! Вы – единственный предмет всех моих чувств и всех моих помыслов... Я испытываю к Вам больше доверия, чем когда-либо могла внушить дружба... Повторяю Вам: у меня есть только одна мысль, одно единственное желание – это Вы, всегда Вы...»

А в этот самый момент Филипп рыдал, читая книгу, которую прислала ему его подружка.

«Ничто не доставляет мне большего наслаждения, чем это, – писал он. – Перечитав ее еще раз, я снова плакал. О, любовь моя! Мое дорогое дитя! Нет никого нежнее и милее Вас...»

В то время как госпожа де Жанлис надежно удерживала герцога Шартрского в своих цепких объятиях, госпожа де Монтессон продолжала прилагать усилия к тому, чтобы выйти замуж за герцога Орлеанского, и в апреле 1773 года добилась своего... Хотя свадьба эта по указу короля держалась в тайне, члены старого парламента были очень рады этому: им удалось окончательно привлечь на свою сторону Орлеанскую семью...

Летом следующего года этим господам пришлось, правда, пережить несколько тревожных моментов. Дело в том, что герцог Шартрский отказался жить в Пале-Рояле, где Мария-Аделаида, оплодотворенная водами Форжа, в ожидании рождения ребенка капризничала самым невыносимым образом по любому поводу. Доведенный до отчаяния поведением жены, герцог переселился в деревушку Муссо – или Монсо, – располагавшуюся неподалеку от селения Терн. Там, вдохновленный видом недавно разбитых садов дворца Тиволи, Филипп заказал архитектору Кармонтелю сооружение огромного парка с горными утесами, озерцами, коринфскими колоннами и даже с искусственной рекой.

В этом месте, которое впоследствии стало называться парком Монсо, молодой герцог вновь вернулся к своей разгульной жизни и стал принимать прекрасных подружек, которые вначале купались обнаженными, а затем отправлялись «поиграть в домино» в китайский грот...

Но члены старого парламента вскоре узнали, что Филипп, несмотря на эти проказы, тем не менее каждую ночь возвращался к своей дорогой Стефани, темперамент которой всегда доставлял ему столько наслаждения...

И тогда они вздохнули с явным облегчением.

6 октября 1773 года Мария-Аделаида произвела на свет толстого мальчугана, которого нарекли Луи-Филиппом и которому спустя пятьдесят семь лет суждено было стать королем Франции, популяризатором зонтиков и любимым героем карикатуристов.

Для того чтобы выразить свою радость, герцогиня нашла очень любопытный способ: она пригласила к себе Розу Бертен и заказала у нее «чувственный пуфик»¹⁹, украшенный персо-

нажами, которым место было скорее в витрине какого-нибудь коллекционера, чем на головном уборе. Рассказывают, что там были изображены кормилица, бесстыдно кормящая грудью улыбавшегося младенца, негретенка, очень похожего на любимого слугу герцогини, и попугай, сидевший на вишневой ветке. Все эти изображения модистка поместила в середине пучка волос, принадлежавших членам Орлеанского дома...

А через несколько недель после рождения маленького Луи-Филиппа восхищенные прохожие на улицах Парижа могли лицезреть Марию-Аделаиду в этом великолепном головном уборе²⁰.

10 мая 1774 года Филипп по наущению госпожи де Жанлис отказался присутствовать на похоронах Людовика XV. Этот поступок способствовал росту его популярности среди мелкого люда, ненавидевшего умершего короля. Но одновременно из-за этого перед Филиппом захлопнулись двери Версальского дворца, поскольку в наказание за этот демарш Людовик XVI запретил членам Орлеанской семьи появляться при дворе.

Понимая, что это решение подтвердило его положение как противника режима, герцог Шартрский превратил Пале-Рояль в центр неповиновения королевской власти.

Каждую ночь он тщательно обсуждал с госпожой де Жанлис все новости за прошедший день, отыскивая любую возможность использовать в своих целях всеобщее недовольство властью.

Однажды из Версаля они получили необычную информацию: король, очень огорченный тем, что, наказав своего кузена, вызвал недовольство парижан, отправил в отставку Мопу, президента нового парламента. Этим шагом король надеялся понравиться сторонникам Филиппа и восстановить утерянную популярность.

Эта отставка, предвестница созыва старого парламента, воодушевила любовников. Ламуаньон де Мальзерб мог снова прийти к власти, и Орлеанский дом получал таким образом через посредство госпожи де Монтессон значительную поддержку.

– Вам следует стать обладателем какого-нибудь почетного титула, который бы нравился народу, – сказала госпожа де Жанлис. – Для того чтобы вернуть людям свободу, надо уметь пользоваться их симпатиями. Станьте великим полководцем.

Филипп терпеть не мог военные игры: та наивная радость, которую проявляли военные при мысли о том, что им предстояло убивать и гибнуть самим, казалась ему крайне неприличной.

Он поморщился.

– Ну, тогда станьте великим флотоводцем, – с присущей ей простотой заявила госпожа де Жанлис.

Это предложение понравилось герцогу Шартрскому гораздо больше. Зная, как выполнял свои обязанности командующего королевским флотом его тесть, он подумал, что заботы, которые были неизбежно связаны с выполнением обязанностей в этой должности, не должны были никоим образом изменить его образ жизни и что он сможет продолжать резвиться в Монсо со своими милыми подружками.

Следует сказать, что герцог де Пантьевр действительно выполнял свои обязанности великого адмирала весьма любопытным образом.

Сев случайно в лодку на переправе Сакле, он так напугался, что поклялся никогда больше не пускаться ни в какое плавание. И поэтому командовал королевским флотом, не выходя из своего кабинета. Все шутили говорили, что единственным островом, который видел в жизни этот горе-морьяк, был Иль-де-Франс²¹.

Этот необычный способ стоять у руля всего флота имел, однако, и некоторые неудобства. В разговоре великий адмирал не мог рассказать о морском бое, не допустив грубейших про-

машек: он, например, путал левый борт с правым, отплытие с abordagem, а большой фок – с полярным животным²².

И вот, для того чтобы не казаться смешным, герцог де Пантьевр нашел довольно оригинальный выход. Он велел построить целую флотилию судов в миниатюре, которые были спущены на воду в канале его замка Рамбуйе. Сидя в кресле на берегу канала, он наблюдал за маневрами судов и вскоре благодаря этому выучил выражения, применявшиеся на флоте Его Величества. Через несколько недель он уже мог командовать судами самостоятельно и отличать корвет от фрегата.

– Приготовиться к повороту! Курс на «Бель Пуль»! – кричал он.

И тут же вооруженный шестом моряк перемещал кораблики...

За несколько часов таких занятий герцог смог приобщиться к секретам хождения под парусом. Иногда он требовал повторить для него какое-нибудь сражение, проведенное за несколько дней до этого королевским флотом. И тогда он командовал им с достойным восхищения хладнокровием, отдавая приказы открыть огонь корабельной артиллерии, идти на abordаж. Когда боевые действия заканчивались, он поздравлял с одержанной победой офицеров своего штаба и поднимался со своего кресла очень довольный.

– Опыт ничем нельзя заменить, – говорил он²³.

Последовав совету госпожи де Жанлис, Филипп решил поближе познакомиться с жизнью моряков и отправился на стажировку в Рошфор. Увы! Там он в 1778 году принял участие в битве против англичан на траверзе Уэссан и совершил такой промах, который сделал его объектом насмешек всего двора. Полностью разочарованный, он покинул флот и вернулся в Пале-Рояль, где Стефани посоветовала ему оставаться некоторое время в тени.

Тогда герцог Шартрский решил совершить путешествие по Европе с женой и любовницей. Это турне сопровождалось непрекращавшимися ежедневными скандалами.

Дело в том, что на каждой остановке на ночлег Филипп сначала ложился в постель с Марией-Аделаидой и доказывал ей, что двенадцать лет их супружества нисколько не охладили его чувств к ней. Затем он бегом устремлялся в постель к госпоже де Жанлис, где проявлял себя «самым обходительным и самым пылким партнером, о каком только могла мечтать женщина».

Случались ночи, когда Стефани, обуреваемая неумным желанием, заставляла своего любовника совершать неслыханные постельные подвиги. «Будущий цареубийца, – писал Жильен Дарбуа в свойственном ему красочном стиле, – имел, к счастью, редкий темперамент. Удовлетворив любовницу, он оставался к бездействию в течение лишь короткого отрезка времени. Только лишь для того, чтобы перевести дух. Ласкового жеста партнерши ему вполне хватало для того, чтобы он вновь весь наполнялся желанием...»

Эти ежедневные подвиги ничуть не мешали герцогу искать дополнительные удовольствия в разных подозрительных местах. «Довольно часто, – говорит Жильен Дарбуа, – карета была готова к отъезду, чемоданы уложены, лошади в нетерпении били копытами о землю, а Филипп находился еще в постели какой-нибудь девицы, избавляясь от избытка мужской силы перед дорогой»²⁴.

Если верить Монгайару, память, которую он оставил о себе среди этих, как их тогда называли, «паломниц любви», не всегда была доброй.

«Его мерзкие выходки в Берне, – писал этот дипломат, – возмущали всех, даже принимавших участие в оргиях проституток; он иногда на пять дней запирался с ними в банном заведении под названием “Ла Матта” и предавался там тем излишествам и извращениям, которые только могло придумать это самое продажное сердце и самый развращенный на свете ум»²⁵.

По возвращении в Париж Филипп увенчал свое распутство тем, что превратил Пале-Рояль в огромный публичный дом...

Глава 2

Госпожа де Бюффон хочет, чтобы Филипп Орлеанский стал королем

*Непомерное желание женщины может привести мир к
катастрофе.*
Сент-Бев

1 января 1781 года герцог Орлеанский, пригласив Филиппа в свой кабинет, в котором находилась и госпожа де Монтессон, объявил:

– Сын мой, настал день, когда по старому обычаю каждый должен делать подарки тем, кого он любит. В этом году я решил в качестве новогоднего подарка преподнести вам Пале-Рояль.

Герцог Шартрский был человеком высокого происхождения, прирожденным принцем. То, что вместо коробки шоколада он получил в подарок дворец, его нисколько не удивило. Вежливо поблагодарив, он, тем не менее, не посчитал нужным обнять и поцеловать своего папочку.

– Я делаю вам этот подарок по настоянию госпожи де Монтессон, – добавил герцог Орлеанский.

Филипп ненавидел свою мачеху. Он скорчил гримасу, которая должна была бы означать любезность, но не смогла скрыть его явного желания «укусить» жену отца. Это не ускользнуло от внимания герцога Орлеанского и несколько омрачило его радостное настроение.

– Полагаю, подарок этот вам нравится, – сказал он однако. – И что же вы намерены с ним сделать?

Филипп уже давно мечтал о том времени, когда Пале-Рояль будет принадлежать ему, и часто думал, что он сделает с дворцом. А посему ответил отцу не задумываясь:

– Я размещу в нем лавочников...

Герцог Орлеанский побледнел:

– Надеюсь, вы шутите!

– Нисколько. Я хочу построить по периметру сада галереи и по очень высокой цене продать торговцам право торговать в них своим товаром. Это позволит мне расплатиться с долгами и купить лошадей...

Герцог Орлеанский был вельможей слишком высокого происхождения, чтобы забирать назад то, что только что подарил. Поэтому он ограничился тем, что сунул себе в рот ладонь и сильно ее прикусил.

Что же касается госпожи де Монтессон, которая была виновницей назревавшего скандала, то она разразилась рыданиями, решив, что это была единственно возможная в этой сложной ситуации форма выразить свое осуждение.

Оставив отца с посиневшей ладонью и мачеху с залитым слезами лицом, Филипп, новый владелец построенного некогда Ришелье дворца, отправился сообщить эту радостную весть своим женщинам: Марии-Аделаиде и госпоже де Жанлис.

Слух о том, что герцог Шартрский намерен разместить торговцев внутри Пале-Рояля, вызвал возмущение простых парижан. В его адрес стали высказывать оскорбления, а Людовик XVI, довольный этой переменой симпатий народа и пожелавший этим воспользоваться, пригласил Филиппа в Версаль. При встрече король пошутил:

– Итак, кузен, – сказал он, – теперь, поскольку вы открываете лавочку, мы будем видеть вас только по воскресеньям...

Шутка эта мало задела привыкшего к насмешкам герцога Шартрского. Он продолжал строительство и на все критические замечания отвечал с юмором. В конце концов это привело к тому, что все насмешники приняли его сторону.

Как-то раз ему сказали:

– Вам ни за что не удастся закончить столь дорогое строительство...

– Не беспокойтесь насчет этого, – ответил он. – У меня достаточно строительного материала, поскольку каждый норовит бросить камень в мой огород...

И вот в июне 1782 года галереи Пале-Рояля были открыты для посетителей. Народ толпами хлынул взглянуть на них.

Под сводами галерей Филипп организовал всевозможные развлечения, и место это очень скоро стало «средоточием всех пороков». Туда пришли и расположились для «работы» сотни парижских проституток. Никто тогда не мог предположить, что придет время, и эти юные особы, столь вызывающе покачивавшие бедрами, прогуливаясь по аллеям сада, будут способствовать свержению монархии.

Таким образом, у Филиппа оказались под рукой очаровательные девицы, с которыми он мог проводить безумные ночи, едва только жена его и госпожа де Жанлис любезно отправлялись спать...

Рано утром он возвращался к Стефани, продолжавшей владеть его помыслами. Он дошел до того, что назначил ее «воспитателем» своих детей. Когда об этом стало известно, весь Париж покатывался со смеху, а злые языки распустили слух о том, что огромный герцог де Люин – почему бы и нет, теперь все возможно – будет скоро назначен кормилицей дофина...

По городу стали ходить язвительные стихи, повсюду распевали:

Сегодня недотрога вежливая,
Безумка или врачеватель,
Жанлис, учительница нежная,
Название получила «воспитатель».
Да, женщина во всей красе
Собой распоряжается отменно:
Быть педантичной может, как и все,
И потаскухой одновременно...

Это было, мягко говоря, очень невежливо.

Госпожа де Жанлис к этим оскорблениям отнеслась с презрением и продолжала заниматься формированием мировоззрения Филиппа согласно «философским учениям». Она мечтала сделать из него народного героя и считала, что для достижения этой цели все средства хороши. В 1784 году, спустя восемь месяцев после первого полета – монгольфьера, она заставила своего любовника забраться в корзину воздушного шара братьев²⁶.

– Я рассчитываю долететь на нем до Орлеана, – просто сказал герцог многочисленной толпе, собравшейся в парке Сен-Клу для того, чтобы присутствовать при отлете воздушного шара.

Увы! С самого начала все пошло из рук вон плохо. При взлете Филипп сбросил весь балласт, в результате чего шар совершил гигантский прыжок на высоту 3000 метров. Филипп был вынужден проткнуть оболочку «Каролины» для того, чтобы опуститься вниз. Спуск был не менее головокружительным, приземление – резким и жестким, а испуг очевидцев всего этого – просто неопишуемым.

Приземление состоялось вовсе не в Орлеане, а всего-навсего в Медонском парке, что очень позабавило обитателей Версальского дворца. На сей раз, рассердившись не на шутку, Филипп поклялся доказать двору, что с ним следует считаться...

Случай для этого представился весьма скоро.

Пока парламент продолжал подспудно вести борьбу против королевской власти, 19 ноября 1787 года Людовик XVI собрал парламентариев в большом зале Дворца правосудия для того, чтобы утвердить эдикт, позволявший ему объявить заем на 420 миллионов.

Герцог Орлеанский²⁷, приняв изрядную дозу вина для того, чтобы «этот напиток зажег ему кровь и породил в душе смелость и отвагу, которых природа не дала ему при рождении», находился во время заседания рядом с королем. Кто-то из друзей Филиппа спросил, будет ли королевский эдикт поставлен на голосование. На что Ламуаньон ответил:

– Если бы королю пришлось согласовывать свою волю с волей большинства, это означало бы, что закон этот утвержден именно большинством парламента, а не монархом, что противоречило бы основному закону нашего государства, которое является монархией, а не аристократией²⁸.

Сторонники Филиппа запротестовали и потребовали проведения голосования. Но в ответ на это король, поднявшись со своего кресла, сказал:

– Я повелеваю записать эдикт в Регистр решений моего парламента для того, чтобы его выполняли и по форме, и по сути.

Едва он сел, как поднялся герцог Орлеанский. В зале сразу же воцарилась тишина.

Филипп, голова которого была напичкана мыслями госпожи де Жанлис и затуманена винными парами, нахально посмотрел на Людовика XVI и воскликнул:

– Подобная регистрация противоречит закону!

Никогда до этого подобного рода высказывания не звучали в адрес короля Франции. Монарх был ошеломлен такой откровенной наглостью. Он пробормотал:

– Это законно, поскольку я так хочу!

Произнесенная властным тоном, эта фраза могла бы быть достойной короля, но Людовик XVI едва промямлил ее, а посему она была жалка.

Расстроенный, Людовик XVI прервал заседание и отбыл в Версаль. А Филипп в это время принимал овации парламентариев.

Это его выступление открыло дорогу Революции.

Госпожа де Жанлис ликовала...

На следующий день Филиппу передали приказ короля немедленно отправляться в ссылку.

Прочитав рескрипт, предписывающий ему убыть в Вилле-Котрэ, он ужасно разозлился и высказал в адрес королевы, которую ненавидел, много непристойностей. Потом стал пинать ногами буфет, громко распевая похабную песню, сочиненную про Марию Антуанетту неким поэтом, находившимся на его содержании. Вот три ее куплета (на мотив песни про Мальбрука)²⁹:

Мария Антуанетта,
Потаскуха, шлюха эта,
Мария Антуанетта,
В день привыкла, так сказать,
В королевскую кровать
Трех кавалеров приглашать.
Чтоб в загадки поиграть,
Потаскуха, шлюха, б...
Чтоб в загадки поиграть,

К Полиньяку отправляется,
А когда тот отлучается,
Она с кошкой развлекается³⁰.
Этой курице австрийской³¹,
Потаскухе, шлюхе низкой,
Этой курице австрийской
Лучше б дома оказаться,
Чем мешком в петле болтаться
И бесстыжих глаз лишаться...

Отведя таким образом душу, Филипп велел уложить чемоданы, уселся в карету и вместе с Марией-Аделаидой отправился к своему новому месту жительства.

Путешествие было ужасным. Трясаясь на ухабах, дрожа от холодного ноябрьского ветра, задувавшего в карету, ссыльный герцог с грустью думал об оставленных им в Париже двух женщинах.

С тех пор как госпожа де Жанлис, занятая воспитанием вверенных ей детей герцога, могла лишь урывками удовлетворять его желание, Филипп Орлеанский завел двух ее заместительниц.

Поскольку только две женщины могли равноценно заменить в постели пылкую графиню, новыми избранницами герцога стали госпожа де Бюффон и англичанка госпожа Эллиотт.

Первая из них, урожденная Франсуаза-Маргарита Бувье де Серуа, называвшаяся Агнессой, вышла замуж за графа Луи де Бюффона, сына великого естествоиспытателя. Муженек ее был настолько глуп, что Ривероль назвал его «самой плохой главой из истории естествознания, написанной его отцом». Агнесса очень быстро покинула этого дурачка и стала доставлять удовольствие всем мужчинам, которые ее об этом вежливо просили.

Филипп Орлеанский приобрел для нее небольшой домик на улице Бле, куда стал ежедневно наведываться после обеда для того, чтобы отвлечься от политики.

Второй избраннице, Грейс-Долраймпл Эллиотт, было, как и Агнессе, двадцать лет. Белокурая, элегантная, остроумная, она обладала, помимо всего прочего, пламенным темпераментом, который очень подходил герцогу. Бывая в Монсо, она по несколько раз в день скреблась в дверь комнаты герцога и просила его погасить пламя, полыхавшее у нее в потаенных частях тела. Филипп в ответ немедленно приглашал ее на канапе, радуясь случаю доказать этой прекрасной островитянке, что он отнюдь не был неприступен, как скала...

Но предпочтение он отдавал все же госпоже де Бюффон. Словно влюбленный школяр, герцог посылал ей любовные записки и осыпал ее подарками.

«Вы нежны и хрупки, как роза, – писал он ей. – В одном из ящичков стола, за которым я работаю, лежит прядь Ваших белокурых волос. Ваше очарование ни с чем не сравнимо...»

Очарование этой молодой женщины и в самом деле было столь велико, что оно захватило даже Марию-Аделаиду. Гордясь тем, что ее распутный муженек будет лежать в постели с такой изящной особой, герцогиня на коленях благодарила за это небо. Однажды она написала Филиппу такое вот любопытное письмо:

«Признаюсь Вам, что, узнав о Вашей связи с ней, я впала было в отчаяние. Зная Вашу неумную фантазию, я испугалась и глубоко опечалилась, увидев, что Вы вступили в связь, которая может лишить меня Вашего доброго расположения. Поведение госпожи де Бюффон с того момента, когда Вы с ней сошлись, заставило меня, однако, усомниться в том, что мне о ней рассказывали. Я увидела, что она питает к Вам такую искреннюю привязанность и абсолютно не преследует никаких материальных интересов; кроме того, она так хорошо относится ко мне. И поэтому я не могу не интересоваться ею. Невозможно, чтобы тот, кто Вас по-настоящему любит, не имел прав на мое расположение. А посему она это право действительно имеет...»

Какая восхитительная жена!

В Вилле-Котре Филипп настолько скучал по госпоже де Бюффон, что вскоре направил к ней барона де Безенвиля.

– Скажите ей, чтобы она каким угодно путем прибыла сюда!

Спустя несколько дней, несмотря на категорический запрет короля поддерживать какие-либо сношения со ссыльным, Агнесса выехала из Парижа и, укрываясь от снегопада, отправилась в Нантей, где Филипп назначил ей свидание. Любовники были так рады тому, что снова видят друг друга, что, не стесняясь присутствия сопровождавших их лиц, «стали ласкать друг друга жадными руками». После чего они устремились в одну из комнат и бросились на большую кровать. Полученное ими при этом удовольствие было, видно, очень большим. Настолько большим, что, как рассказывал позднее один из слуг, «до самой ночи в доме раздавались сладострастные стоны»...

В течение пяти последовавших за тем месяцев госпожа де Бюффон раз в неделю приезжала к ссыльному герцогу, привозя ему в подарок свое гибкое молодое тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.